

ных пунктов, неизвестных из прямых источников. Подобное толкование владельческих фамилий, сконцентрированных в реестрах, дает возможность говорить о не использованном до сих пор своеобразном статистическом источнике — выборочных перечнях поселений, содержащих ценные сведения для анализа историко-географической ситуации.

В настоящей статье, авторы которой претендовали скорее на постановку проблемы, нежели на ее решение, затронут один из вопросов причинности украинской антропонимии конца XIV—XVI в. Изложенные выше наблюдения позволяют, по нашему мнению, сформулировать следующие предварительные выводы.

1. Формирование фамилий на Украине, начавшееся в феодальной среде с середины XV в. и завершившееся к концу XVI в., являлось следствием развития юридических норм взаимоотношений личности и государства, в первую очередь оформления земельного права и формирования единого правового статуса привилегированного класса.

2. Исходной базой шляхетско-боярских фамилий украинского происхождения стала древнерусская традиция именования, которая видоизменялась в зависимости от новых условий общественно-политического развития украинских земель.

3. Характер фамилий, сложившихся на Украине в среде господствующего класса, вполне самобытен; в процессе их формирования решающую роль сыграло не заимствование иноземного типа шляхетских именований, а особенности социального быта конкретных регионов Украины.

Подробное изучение шляхетской антропонимии с учетом ее обусловленности явлениями общественного порядка позволило бы расширить наши представления о времени и характере процесса закрепощения крестьянства, непосредственно связанного с развитием шляхетских вольностей и раздачей свободных земель, о начальных этапах зарождения и развития вотчин (при отсутствии документальных источников, освещающих этот процесс), о живучести традиций и тенденций, унаследованных от древнерусских времен, среди различных прослоек общества, о синхронности развития общественных отношений в отдельных регионах Украины и неправомочности традиционного представления об отставании правобережных земель от территорий, входивших в состав Польского государства.

М. С. ЧЕРЕБАСОВА

ДРЕВНЕЙШАЯ ЯРОСЛАВСКАЯ ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА XIV в.

Дошедшие до нас ранние русские грамоты немногочисленны и в количественном отношении неравномерно распределяются по разным землям Руси. Наибольшее количество актов, существенно пополняемое и берестяными грамотами, сохранилось по Новгородской

земле.¹ Особенной же скудостью документов, датируемых временем до XIV в., отличается Северо-Восточная Русь, принявшая на себя главный удар разорительного татаро-монгольского нашествия и последующих «ратей».² Поэтому значительный интерес представляет всякий новый текст XIII в., относящийся к ней. Не всегда им может быть совершенно новый источник. Нам удалось, как кажется, обнаружить такой текст в своеобразной передаче более позднего документа — жалованной тарханно-несудимой с элементами договорной грамоты ярославского князя Василия Давыдовича архимандриту Спасо-Ярославского монастыря Пимену 20-х гг. XIV в.³ Первым комментатором этого памятника был Н. М. Карамзин, опубликовавший его по пергаменному подлиннику и отметивший, что он скреплен «черной восковой печатью».⁴

Исследователь использовал этот документ при изложении истории княжения Ивана Калиты, но обратил внимание на то, что в грамоте Василия Давыдовича содержится ссылка на грамоту его деда — смоленского и ярославского князя Федора Ростиславича Черного (ок. 1260—1299 гг.). Дав подробный пересказ ярославской грамоты XIV в., Н. М. Карамзин заключил: «Сия достопамятная грамота времен Иоанновых свидетельствует, какими гражданскими выгодами пользовались монастыри в России, согласно с уважением наших добрых предков к инопоческому сану».⁵

Благодаря публикации Н. М. Карамзина ярославская грамота XIV в. вошла в научный оборот. И. И. Срезневский вслед за Карамзиным подчеркнул, что выдал ее Василий Давыдович «по деда своего грамоте», и включил этот акт-упоминание в составленный им обзор древнейших памятников русской письменности.⁶ В. И. Сергеевич указал на участие дворян в княжеском суде, фиксируемое этим документом.⁷ В. А. Панков писал о своеобразии его формуляра, в котором пожалование сочетается с договором.⁸ Жалованная грамота

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: Л., 1949. № 1—4, 29—32, 102—105, 283, 331, 348 (два последних — псковские грамоты); Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1964. С. 10, 20—23, 62, 66.

² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1964. Т. III. № 1, 309, 347 (подлинность последнего сомнительна). — Таблицы актов XI—XV вв. см.: Горский А. Д. К 25-летию открытия берестяных грамот // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 145; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 49.

³ АСЭИ. Т. III, № 190.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. IV. С. 445—446, примеч. 348.

⁵ Там же. С. 231—232. — Карамзину не была известна самая первая публикация этой грамоты (см.: Амурский. История Российской иерархии. М., 1815. Ч. VI. С. 229—231), поэтому он писал: «... сия грамота не была нигде напечатана, для того включаю оную здесь».

⁶ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв. 1-е изд. СПб., 1863. С. 77; 2-е изд. 1882. Стб. 157, 193.

⁷ Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1. С. 49.

⁸ Панков В. А. Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI в. и его политическое значение. СПб., 1911. С. 66—67.

Спасскому монастырю была известна и ярославским краеведам в XIX в.⁹

Советские историки изучали дипломатические особенности этой грамоты,¹⁰ содержащийся в ней богатый материал по социально-экономическому развитию Руси XIV в. (категории зависимых крестьян, формы феодальной ренты, иммунитет), привлекали ее к исследованию политических отношений русских княжеств в период «возвышения» Москвы.¹¹ Обращался в грамоте Василия Давыдовича и А. И. Некрасов в своей работе о Федоровском евангелии. Заметив ссылку на грамоту Федора Ростиславича, А. И. Некрасов высказал гипотезу о том, что пожаловать такую грамоту Федор мог настоятелю Спасского монастыря Прохору, а само Федоровское евангелие было выполнено по заказу Прохора как вклад по Федоре.¹²

Таковы некоторые сведения из истории изучения жалованной грамоты Василия Давыдовича, которыми мы хотели предварить наш анализ этого источника. Для более пристального его рассмотрения приведем здесь текст полностью.

«Се яз, князь Василей Давыдович ярославский, докончал есмь с архимандритом с Пимином про дом святого Спаса по деда своего грамоте, — пожаловал есмь: что людей святого Спаса в городе и в селех, урек есмь им на год два рубля давати, а не надобе ни никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни возмниче, ни бобровое, ни стану не чинят в селех спаских, ни дворского не емлют, ни иного ничего не емлют, ни становщик не въездит, ни о чем же, ни бегоули мои не имеют людей спаских в сторожу, ни в корму. А судьи мои, вси наместницы и тиунии, не шлют дворян своих по люди святого Спаса, но шлют ко игумену, и игумен шлет по них

⁹ *Серебренников С.* Князь Василей Давыдович Ярославский // Ярослав. губ. ведомост. 1843. № 30, часть неоф. С. 90—91; *Троицкий И.* История губернского г. Ярославля. Ярославль, 1853. С. 26; *Шпилевский С. М.* Великий князь смоленский и ярославский Федор Ростиславич Черный. Ярославль, 1899. С. 22—23; *Владимир, иеромонах.* Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. Ярославль, 1913. С. 6—7, 38. — У всех приведена ссылка на Карамзина.

¹⁰ *Тихомиров Б. К.* вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси // Историк-марксист. 1936. № 3. С. 9; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. М.; Л., 1951. Ч. 2. С. 130—131; *Кашинов С. М.* Богословская преамбула жалованных грамот // ВИД. Л., 1973. В. С. 84, 98, 105.

¹¹ *Бочкарев В. Н.* Из истории крупной сеньории Верхне-Волжского края // Ярославский край. Ярославль, 1929. Вып. 1. С. 33; *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936. С. 19; *Плянков А. П.* Формы феодальной ренты в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. // Учен. зап. Могилев. гос. пед. пн-та. Минск, 1955. Вып. 1. С. 22; *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960. С. 92, 168, 170, 172, 196, 210—211 и др.; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 222.

¹² *Некрасов А. И.* Возникновение московского искусства. М., 1929. Ч. 2. С. 149, 182—184. — Критику гипотезы А. И. Некрасова и всю литературу вопроса см.: *Князевская О. А., Турилов А. А.* Федоровское евангелие: О времени создания и происхождении рукописи // Древнерусское искусство XIV—XV вв. М., 1984. С. 128—140.

своих людей. А что будет суд спаским людем с моими людьми, приехав моему приставу в монастырь, судити ему со игуменом в правде по целовании, а вина, посул и пересуд наполю, до моего ли дойдет, до спаскаго ли. А что учинится между спаскими людми бой, или татьба, или душегубство, или самосуд, то все судит игумен и вину емлет в дом святого Спаса, а нашим судьям не надобе, ни дворяном. А кого перезовет игумен изы-ные волости, то люди святого Спаса, а мне ся в них не вступати. А кто будет людей моих святого Спаса в половницы, а те потягнут ко мне данью и виною, до кого что дойдет, а игумену ся не вступати. А что торгование на дом святого Спаса крылошаном и чернцом, тамга ни возмничею не надобе. А перевоз и реки обровые, а то по давной пошлине. А дому святого Спаса блюстити, не пустити ми-самому не обидети и в обиду не давати. А дал есмь дом святого Спаса на руже отцу своему, примыслит ли, умыслит ли. А через сю грамоту кто посягнет на дом святого Спаса, и милости святого Спаса не буди не нем.

А подлинная грамота писана на хартии с вислою печатью на черном воску».¹³

Примечательной особенностью приведенной грамоты является то, что настоятель монастыря назван в ней архимандритом (Пименом) только в начале, а в дальнейшем он 6 раз последовательно именуется только игуменом. Эта особенность наводит на предположение, не восходит ли текст с упоминанием игумена ко времени, когда Спасо-Ярославский монастырь находился под управлением не архимандритов, а игуменов. Первый издатель грамоты Амвросий отметил, что настоятели этого монастыря «были сперва игумены, а потом издавна — архимандриты».¹⁴ Имена первых игуменов монастыря, существовавшего с начала XIII в.,¹⁵ нам неизвестны. У П. М. Строева первым спасским настоятелем назван игумен Прохор — сподвижник митрополита Петра, ростовский епископ, основатель Толгского монастыря.¹⁶ Игуменом называет Прохора и Е. Е. Голубинский при описании церковного собора в Переяславле в 1310/11 г., на котором Прохор выступил в защиту Петра.¹⁷ Вероятно, после этого собора произошло посвящение Прохора в ростовские епископы, связанное

¹³ АСЭИ. Т. III. № 190. — Подчеркнуто везде мною.

¹⁴ Амвросий. История. . . С. 222. — При публикации Амвросий слово «хартия» перевел как «бумага» и ошибочно отнес время правления Василия Давыдовича в Ярославле и выдачу им грамоты к концу XIII в. (там же).

¹⁵ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X. С. 69, 76.

¹⁶ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 337; Русский биографический словарь. СПб., 1910. Притвиц—Рейс. С. 101—102.

¹⁷ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. 2, 1-я пол. С. 111. — В опубликованном Г. М. Прохоровым по пергаменной минее 1380-х гг. жития Петра при описании собора 1311 г. говорится: « . . . преподобный Прохор игумен тогда сый». См.: Прохоров Г. М. «Повесть о Митяе»: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 210. — О различных датировках Переяславского собора см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1971. С. 74—75, примеч. 2.

с митрополичьим (княжеским?) актом. В момент посвящения Прохор являлся уже архимандритом,¹⁸ значит, в начале второго десятилетия XIV в. Спасо-Ярославский монастырь получил статус архимандритии. В 20-е гг. архимандритом здесь был Пимен, получивший исследуемую нами грамоту, а в 1346 г. ростовским епископом стал еще один спасский архимандрит — Иоанн.¹⁹ Непрерывное существование архимандритии в Спасском монастыре до конца XVIII в., когда он был преобразован в архиерейский дом, подтверждается всеми его грамотами XIV—XVIII вв. Во всех них, как публично-, так и частноправовых, настоятели монастыря именуются только архимандритами.²⁰ Если учесть несомненное восхождение монастырских настоятелей в Древней Руси от игуменов как звания более младшего к архимандритам как более почетному и старшему званию²¹ и приведенные выше данные из истории архимандритии в Спасо-Ярославском монастыре, то сосуществование терминов «архимандрит» и «игумен» в одной грамоте укрепляет предположение о своеобразном сопадении двух хронологически разных документов.

Но на это можно возразить напоминанием такого порядка на Руси XII—XIV вв., когда настоятели некоторых наиболее старинных и влиятельных монастырей назывались игуменами как начальники над монахами своей обители и архимандритами для всего черного духовенства данного города или епархии. Такие звания носили настоятели Киево-Печерского, Новгородского, Юрьевского, Ростовского Богоявленского и Владимирского Рождественского («великая архимандрития») монастырей.²² Происхождение и содержание термина «юрьевский игумен архимандрит новгородский» обстоятельно исследовано В. Л. Яниным в статье о высших государственных должностях Новгорода Великого.²³ Применительно же к Спасо-Ярославскому монастырю говорить о взаимозаменяемости

¹⁸ ПСРЛ. Т. X. С. 178; см.: *Аверосий. История. . . 1807.* Ч. I. С. 117; *Платон, митрополит. Краткая церковная российская история.* М., 1823. Т. 1. С. 156; *Евгений, митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина.* СПб., 1827. Т. 1. С. 194; *Крылов А. Историко-статистический обзор Ростовско-Ярославской епархии.* Ярославль, 1860. С. 15.

¹⁹ ПСРЛ. Т. X. С. 217.

²⁰ См.: АСЭИ. Т. III. № 191—219; *Вахрамеев И. А. Исторические акты Ярославского и Спасского монастыря.* Т. I. Княжьи и царские грамоты. М., 1896. № 3—120; ЦГАДА, ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии), по Переяславлю, № 8941, по Романову, № 10109, по Сольвычегодску, № 10861, по Ярославлю, № 14754, 14757, 14758, 14762, 14767—14770, 14776, 14895, 14899, 14902—14904, 14909, 14915; ЦГИА СССР, ф. 834 (рукописи Синода), оп. 3, кн. 1916, л. 117—314 об.; Архив ЛОИИ СССР, кол. 11 (Рукописи Археограф. ком.), кн. 75, л. 1—29 об.

²¹ Исключения из этого общего правила (см.: *Строев П. М. Списки иерархов. . .* Стб. 27, 72—74, 79—81, 202—205 и др.; АСЭИ, Т. III. № 324, 326—328, 330—341) требуют особого изучения.

²² *Платон, митрополит. Краткая церковная российская история.* С. 105; *Макарий, митрополит. История русской церкви.* СПб., 1899. Т. 3. С. 41, 44, 59, 71; Православная богословская энциклопедия / Под ред. проф. А. П. Лопухина. Пг., б. г. Т. 2. Стб. 43; т. 3. Стб. 800.

²³ *Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения.* М., 1976. С. 136—149.

терминов «архимандрит» и «игумен» не приходится. В церковном отношении он входил в Ростовскую епархию, старшим в которой был Ростовский Боговльенский монастырь, основанный еще в XI в., а архимандритию имевший в 1238 г.²⁴ Следовательно, объяснение существования двух этих терминов в одной грамоте (синонимичность которых для данного монастыря исключается) надо искать в другом.

На наш взгляд, наличие данных понятий объясняется обстоятельствами выдачи князем Василием Давыдовичем в 1320-е гг. жалованной грамоты архимандриту Пимену. При ее оформлении использовалась «дедовская грамота». Написав в начале нового документа имена Василия Давыдовича и Пимена, дьяк, глядя в «деда грамоту», весь остальной текст воспроизвел полностью, с сохранением всей терминологии, в том числе и слова «игумен». В XIV—XV вв. нередкими были случаи, когда при выдаче новых грамот по грамотам предшественников текст последних дословно воспроизводился.²⁵

Наше предположение о том, что текст с участием игумена — это воспроизведенная грамота князя Федора Ростиславича Черного (1260—1299 гг.)²⁶ спасскому игумену, попробуем подкрепить анализом некоторых терминов ярославской грамоты XIV в. Дважды в ней упоминаются «дворяне» как судебные исполнители в княжеском суде. В таком значении это слово известно для XIII в. по двум берестяным грамотам.²⁷ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров писали, что понятие «дворяне» в значении судебных чиновников утверждается в XIII в.²⁸ Исследователь проблемы происхождения дворян В. Д. Назаров также пишет о дворянах как судебных должностных лицах XIII—XV вв.²⁹

Термин «наместники» ярославской грамоты встречается в двух смоленских актах 1284 г. того же самого князя Федора Ростиславича: в грамоте по судному делу о «немецком колоколе» и в подтверждающей грамоте Риге и Готскому берегу.³⁰ В них названы наместники Федора — его бояре Григорий, Артемий и племянник князь Андрей Михайлович. По-видимому, наместники представляли административный аппарат князя Федора не только в Смоленске, но и в Ярославле (наряду с дворянами, становщиками, бегоулями, тиунами).

²⁴ Строев П. М. Списки иерархов... Стб. 339.

²⁵ См.: Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян... С. 168—171; Назаров В. Д. Жалованная грамота Лжедимитрия I Галицкому Великопустыскому Авраамиеву монастырю // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 359—361, 365—368.

²⁶ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 год. СПб., 1891. Ч. 2. С. 74—83.

²⁷ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1952 г.). М., 1954. С. 68, № 67; Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 134, № 531.

²⁸ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 33.

²⁹ Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 122.

³⁰ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. С. 62—63, 66.

Не противоречит отнесению рассматриваемого нами текста к XIII в. и употребление в нем понятий «рубль» и «половники». Впервые рубль упомянут в новгородской берестяной грамоте 1281—1299 гг.³¹ В ряде других берестяных документов он фигурирует на рубеже XIII—XIV вв.³² В. Л. Янин пишет о переходе в Новгороде в конце XIII в. от гривенного денежного счета к счету на рубли.³³ В это же время, вероятно, рубль входил в употребление и в Северо-Восточной Руси. Упоминание в ярославской грамоте «половников» также имеет параллель в одном новгородском берестяном фрагменте: «. . . пояле исполовницу мою, телицу вода. . .».³⁴ Сравнительное рассмотрение терминов можно было бы продолжить. И хотя разобранные нами понятия (наместники, половники, дворяне, рубль) не определяют верхнюю хронологическую границу интересующего нас текста, поскольку они употреблялись и в XIV—XV вв., они все же не противоречат исторической действительности XIII в. как Северо-Западной, так и Северо-Восточной Руси.

Наряду с хорошо известными по источникам XIII—XV вв. терминами в ярославской грамоте встречается очень редкое слово «бегоули». Согласно документу, они не должны были привлекать зависимое от монастыря население к кормовой и сторожевой повинности.³⁵ Для Руси это слово известно только по более поздним источникам — двум устюжским грамотам XVI в.: жалованной грамоте Василия III Михайло-Архангельскому монастырю в Великом Устюге 1521 г. и купчей 1551 г. на д. Офуринскую.³⁶ Судя по жалованной грамоте Василия III, бегоули также ведали сбором «корма» и входили наряду со старостами в низшее звено местной администрации: «А збирает наместнич и волостелин корм. . . с монастыр-

³¹ *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1952 г.). С. 66, № 65.

³² Там же, № 25, 30, 42, 45. — Известия о рубле в церковном уставе Ярослава (XI в.) и купчей Антония Римлянина (XII в.) являются анахронизмом. См.: *Тихомиров М. Н.* О частных актах в Древней Руси // *Ист. зап.* 1945. Т. 17. С. 239; *Памятники русского права*. М., 1953. Вып. 2. С. 112. — Наиболее достоверны эти известия в указанных берестяных грамотах.

³³ *Янин В. Л.* 1) Деньги и денежные системы // *Очерки русской культуры XIII—XV вв.* М., 1966. Ч. 1. С. 329—331; 2) Я послал тебе бересту. . . М., 1975. С. 153.

³⁴ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958. С. 43, № 112.

³⁵ У Карамзина дано пояснение: «приставы — слово татарское» (*Карамзин Н. М.* История. . . С. 446); у Г. Е. Кочина «бегул, бегауль» — должностное лицо (*Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря Древней России. М.; Л., 1937. С. 26); у И. И. Срезневского «бегул — пристав» (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1. Стб. 47); у М. Фасмера «бегул — пристав», из чагатайского (староузбекского) (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964. С. 142). У всех пояснения даны со ссылкой только на ярославскую грамоту XIV в. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» «бегаул, бегауль, бегоуль, бегул — пристав» (*Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1975. Вып. 1 (А—В). С. 85). В «Словаре» разъяснение дается со ссылкой на ярославскую грамоту и два устюжских акта XVI в.

³⁶ *Шляпин В. П.* Акты Велпко-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Великий Устюг. 1912. Ч. 2. № 14, с. 124—125 (в составе грамоты В. Годунова 1598 г.); ч. 1. № 51, с. 124—125.

ских крестьян архимандрит сам или их приказчик, да отдают устюжским бегоулем или старостам, и бегоули и старосты платят корм наместнику и посольскому Вычегдские Соли и наместничим и волостелиным тиуном». ³⁷ В купчей 1551 г. «бегоулева издержка» названа в числе таких основных повинностей, как «дань, протор и всякие потуги. . . и служба царя и великого князя». ³⁸ На давность самого термина «бегоули» может указывать такая фраза из купчей 1551 г.: «. . . а старина платити мне Варваре с тоя деревни своими деньгами, что не розрубят бегоули старины». ³⁹ До-видимому, бегоули занимались раскладом каких-то старинных повинностей, в том числе и кормовой. По данным восточных источников XIV—XV вв., Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский писали об особой должности войсковых «бакаулов». Им подчинялись темники и тысячники в татаро-монгольском войске. Они ведали распределением войскового содержания, военной добычи, собирали налоги с населения. ⁴⁰ Не исключено, что эти «бакаулы» и «бегоули» ярославской грамоты — термины тождественные.

Попадание этого слова в рассматриваемый нами источник можно попытаться объяснить тесными связями князя Федора Ростиславича с Ордой в 1270—1290-е гг. Сведения о них сохранились в летописях и в его житии, вошедшем в Степенную книгу и Великие Четыи Минеи. ⁴¹

В 1277 г. князь Федор вместе с другими русскими князьями ходил к хану за ярлыком на великое ярославское княжение («. . . каждого о своих княжениях идяху»). ⁴² В 1278 г. князь Федор участвовал в походе татар в Болгарию и на ясов, после которого был задержан ханом в Орде. ⁴³ В 1280 г., после смерти своей первой жены, ярославской княгини Марии Васильевны, он безуспешно пытался утвердиться на ярославском столе, после чего длительное время оставался в Орде. ⁴⁴

К 1280-м гг. относятся вторичная женитьба князя Федора на крестившейся в христианство дочери татарского хана Анне ⁴⁵ и рождение

³⁷ См. наиболее раннюю публикацию этой грамоты: *Амеросий. История. . . 1807. Ч. 3. С. 316.*

³⁸ *Шляпин В. П. Акты. . . Ч. 1. № 51, с. 124.*

³⁹ Там же. С. 125. — Интересно отметить, что в конце купчей в числе послухов назван «Прокопей Софониев сын Бегоулев Сухово».

⁴⁰ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 127, 194, 471.*

⁴¹ Великие Минеи-Четыи (далее — ВМЧ). СПб., 1869. Сентябрь, дни 14—24. Стб. 1264—1269; ПСРЛ. СПб., 1908. Т. XXI, 1-я пол. С. 308—311. — Подробнее об этом см.: *Ключевский В. О. Древнерусские жития. . . С. 171—174; Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884. Кн. 1. С. 116—117; Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 222—234.*

⁴² ПСРЛ. Т. X. С. 154; т. XXI, 1-я пол. С. 308—309; ВМЧ. Стб. 1265.

⁴³ ПСРЛ. Т. X. С. 155, 172, 173.

⁴⁴ Там же. С. 157. — В Ярославле сложилась враждебная Федору боярская партия, возглавляемая его тещей княгиней Ксенией и выступавшая за сына Федора от первой жены Михаила (там же).

⁴⁵ Н. М. Карамзин считал, что Федор породнился с ханом Ногаем (*Карамзин И. М. История. . . С. 105, 131*). А. Н. Насонов же называл тестем Федора Менгу-Тимура (*Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 62, 65*).

у них сыновей Давыда и Константина. Хан пожаловал своему зятю 30 (а по другим данным — 36) городов (Казань, Арск, Болгар, Корсунь, Чернигов и др.), называл его «нашим служебником и улусником», назначил при своем дворе «чашником». ⁴⁶ Окончательное утверждение Федора на ярославском столе произошло около 1290 г. при военной помощи татар и после смерти своего ярославского сына Михаила. Федор Черный привел к Ярославлю «великое множество русских и татарских сил», которые «преж бывшая ему от граждан обиды отметиша царевым повелением». ⁴⁷ Вместе со своим зятем хан отпустил на Русь «царева двора татар многое множество». Может быть, среди этого двора и находились бегоулы ярославской грамоты?

Вернувшись на Русь, князь Федор Ростиславич участвует в напряженной политической борьбе сыновей Александра Невского — великого князя Дмитрия Переяславского и его политического противника брата Андрея Городецкого на стороне последнего. В 1293/94 г. Андрей и Федор привели на Русь страшную «Дюденеву рать», сотворившую «пусту» 14 городов. ⁴⁸ Вместе с Андреем участвовал Федор и в княжеском съезде во Владимире в 1294 г., на котором дело едва не дошло до потасовки. ⁴⁹ В 1297—1299 гг. Федор безуспешно пытался захватить Смоленск у своего племянника Александра Глебовича. ⁵⁰

В сложной политической обстановке в Ярославле и во всей Руси в 1290-е гг. князь Федор мог стремиться к союзу со Спасо-Ярославским монастырем, искать его поддержки. Правда, у нас нет прямых сведений о роли монастыря в Ярославле в это время, но, судя по житию Федора, его тесные контакты с этой обителью относятся как раз к 1290-м гг. После возвращения из Орды князь Федор (который и там прославился своим благочестием) «часто же приходдаше в монастырь св. Спаса и братию довольно учрежда и милостыню издовляя». ⁵¹ Примерной христианкой оказалась и его вторая жена,

⁴⁶ ПСРЛ. Т. X. С. 155; т. XXI, 1-я пол. С. 309.

⁴⁷ Там же. Т. XXI, 1-я пол. С. 310; ВМЧ. Стб. 1265. — Точную хронологию деятельности Федора в 1280-е гг. установить трудно. А. В. Экземплярский указывал на 1287 или 1288 г. как на дату смерти княжича Михаила, а возвращение Федора в Ярославль относил к 1289 или 1290 г. (*Экземплярский А. В. Великие и удельные князья. . .* с. 70, 78). А. Крылов больше склоняется к 1290 г. как дате смерти Михаила, похороненного в древнейшем в Ярославле Петропавловском монастыре рядом со своей матерью Марией и бабкой Ксенией (*Крылов А. Историко-статистический обзор. . .* С. 37—38). В 1290 г. в Ярославле, на наш взгляд, имело место сложное переплетение борьбы горожан с ордынским игом и боярско-княжеской борьбы за власть.

⁴⁸ *Татищев В. Н. История Российская*. М.; Л., 1965. Т. V. С. 65—67.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. — Упоминание о борьбе Федора за Смоленск и устроенном там кровопролитии см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подг. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979. С. 19, 61, 68. — О смоленско-ярославском летописце Федора см.: *Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII—начала XV в. М., 1983. С. 246—250.*

⁵¹ ВМЧ. Стб. 1268; ПСРЛ. Т. XXI, 1-я пол. С. 310—311.

Анна Ордынская, построившая в Ярославле много церквей, в том числе и в Спасском монастыре.⁵²

В последние дни жизни Федора его отношения с игуменом и братией монастыря были особенно близкими. За день до смерти, 18 сентября 1299 г., по приказу князя «понесоша его на двор к игумену, и пребысть ту день той, исповедася перед всеми».⁵³ В ночь на 19 сентября, когда князь «начав изнемогати и скорбети», он «призва игумена и братию, повеле себе пострици в схиму».⁵⁴ Новое, монашеское имя Федора при этом не сообщается, зато говорится: «Князь Федор у отца духовного прощается, повеле всем изити вон, токмо остане один игумен».⁵⁵ Значит, спасский игумен являлся духовным отцом Федора на протяжении 1290-х гг., и этим, возможно, объясняются тесные контакты князя и монастыря.

Подробности в описании пострижения и кончины Федора наводят на предположение (высказанное в свое время еще В. О. Ключевским и Н. Серебрянским)⁵⁶ о том, что записи эти были составлены вскоре после смерти Федора очевидцем, возможно, одним из спасских монахов или даже самим игуменом. Наиболее близким ко времени описываемых событий можно считать названного у П. М. Строева первым спасского игумена Прохора. К уже сказанному о Прохоре выше добавим, что, став ростовским епископом (после 1311 г.), он не порывал связей со Спасским монастырем. В 1321 г. он погребал здесь сына Федора князя Давыда,⁵⁷ а в 1327/28 г. и сам, согласно завещанию, был здесь похоронен под именем Трифона.⁵⁸ И, может быть, именно к Прохору непосредственно относились торжественные фразы княжеской грамоты: «. . . дал дом святого Спаса на руже отцу своему. . .», «. . . дом святого Спаса блюстити. . . саму не обидети и в обиду не давати», да и само наименование монастыря «домом» могло выражать уважение князя к его настоятелю, почтительность перед братией.⁵⁹ С учетом тревожной обстановки в Ярославле в 1290-е гг. обещания князя оберегать свою обитель от всяких «обид» становятся вполне понятными.

В свете приведенных фактов (хотя и неполных) о политической жизни Ярославля конца XIII—начала XIV в. гипотеза А. И. Некрасова о князе Федоре и игумене Прохоре как крупных политических деятелях и об изготовлении Федоровского евангелия по заказу

⁵² *Троицкий И.* История губернского г. Ярославля. С. 22.

⁵³ ВМЧ. Стб. 1268—1269; *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. Прил. С. 91, 96.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития. . . С. 171; *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. С. 224.

⁵⁷ *Троицкий И.* История губернского г. Ярославля. С. 24.

⁵⁸ *Нил (Исакович).* Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архiereйский дом. Ярославль, 1863. С. 39, 92.

⁵⁹ АСЭИ. Т. III. № 190. — В одной из редакций жития Федора подчеркивается его близость не только к игумену, но и к верхушке монастырской братии: «. . . повеле всем изити вон, токмо остане игумен и от братии мало» (*Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. С. 71, 92, 93).

Прохора как вкладе по Федоре хотя и недостаточно аргументирована, все же не лишена определенного интереса. И новейшие исследователи считают, что вопрос о происхождении Федоровского евангелия окончательно не разрешен.⁶⁰

Исторические экскурсы в область отношений князя Федора со Спасо-Ярославским монастырем в конце XIII в. и с его возможным тогда игуменом Прохором лишь косвенным образом могут свидетельствовать в пользу нашего предположения о дословной передаче «дедовской грамоты» в документе Василия Давыдовича. Для его подкрепления необходимо также обратиться ко всем архивным спискам этого документа. Не появился ли в нем термин «игумен» в результате простой ошибки позднейших переписчиков? И можно ли вообще установить, каким был текст в подлинной пергаменной грамоте Василия Давыдовича, заверенной черной восковой печатью? До нашего времени ее подлинник не сохранился, но можно утверждать, что он существовал в XIX—начале XX в. До середины XVIII в. оригинал этот находился в архиве Спасского монастыря. В 1701 г. здесь была составлена переписная книга, один из разделов которой содержал перечень имевшихся налицо документов «крепостной палаты».⁶¹ Открывался он заголовком «договорной грамоты благоверного князя Василия Давыдовича о монастыре и о всяких монастырских людех и о вотчинах не судить и не въезжать никому, кроме архимандрита з братией».⁶² То, что перечень зафиксировал наличие в монастыре именно подлинника ярославской грамоты, подтверждается описью 1735 г. монастырского имущества. После точно такого же, как и в книге 1701 г., заголовка говорится: «. . по свидетельству явилась оная грамота писанная на хартии ветха за черною печатью на одном столпце».⁶³

В 1744 г. по указу Синода в Спасо-Ярославском монастыре была составлена копия книга жалованных и указных княжеских, царских и патриарших грамот XIV—XVIII вв.⁶⁴ В начале ее было дано оглавление, в котором на первом месте читается совершенно такой же заголовок грамоты Василия Давыдовича, как и в книгах 1701 и 1735 гг.⁶⁵ Значит, в копиянную книгу документ этот был переписан с подлинника (на л. 18—18 об.). Список ярославской грамоты в копиянной книге является самым ранним известным нам и к тому же существовавшим одновременно с оригиналом. В том же

⁶⁰ См.: *Князевская О. А., Турилов А. А.* Федоровское евангелие. С. 128—140.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 237 (Монастыр. приказ), оп. 1, д. 13, л. 172—221 об. — Об этой книге и об упоминании в ней Хронографа со «Словом о полку Игореве» см.: *Булыгин И. А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 37; *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский Хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1984. С. 70.

⁶² ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 13, л. 172.

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 2428, л. 151.

⁶⁴ Ярославский музей-заповедник (далее — ЯМЗ), № 388 (инв. 15586). Об этой книге см.: *Лукьянов В. В.* Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея // Краеведч. зап. Ярославль. 1958. Вып. 3. № 388. С. 152.

⁶⁵ ЯМЗ, № 388, л. 1.

1744 г. с монастырской копийной книги была снята копия и отправлена в Синод.⁶⁶ Вопрос о соотношении двух этих источников требует особого рассмотрения. Нам же в данном случае важно отметить, что и заголовок ярославской грамоты в синодальной копийной книге, и сам ее текст идентичны заголовку и тексту в книге 1744 г., оставшейся в монастыре.⁶⁷

Для второй половины XVIII—начала XIX в. можно констатировать отсутствие подлинника ярославской грамоты в самом монастырском архиве и предполагать его наличие у ряда исследователей. Упоминания о нем уже не встречаются в описи монастыря 1778 г.⁶⁸ и в описях Ярославского архиерейского дома XIX—начала XX в.⁶⁹

Не исключено, что в 1760—1780-е гг. оригинал ярославской грамоты некоторое время мог находиться у Г. Ф. Миллера, в фонде которого сохранилась его точная копия.⁷⁰ Эта копия была, по-видимому, известна Н. П. Румянцеву и А. Ф. Малиновскому, в фондах которых отложились еще два списка грамоты Василия Давыдовича. Список Н. П. Румянцева находится в составе рукописного сборника различных грамот начала XIX в.⁷¹ Бумага, почерк, заголовок, сам текст грамоты и, наконец, ее датировка в списках Н. П. Румянцева и А. Ф. Малиновского почти одинаковы, что говорит о близости времени их появления и общем источнике. В двух этих списках впервые встречается заголовок ярославской грамоты, отличный от того, что был дан ей монастырскими архивистами в конце XVII или начале XVIII в.: «Жалованная грамота, в списке, Ярославского князя Василия Давыдовича Спасо-Ярославскому монастырю, в подтверждение Грамоты деда его Федора Ростиславича: о увольнении людей, принадлежащих сей обители, от всяких земских тогдашнего времени повинностей и о разбирательстве тяжбных и уголовных дел княже-скому судье обще с игуменом. Писана между 1300 и 1326 годами».⁷²

Указание на то, что списки Румянцева и Малиновского восходят к копии Миллера, а эта последняя — к оригиналу, можно видеть в приписке, имеющейся у Румянцева (у Малиновского ее нет):

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, кн. 1916 (Копии с грамот монастырей Яросл. и Рост. епархий), л. 117—314 об. — В разделе спасо-ярославских грамот по листам идет скрепа «спасского архимандрита Георгия п келаря Иосифа». Такая же скрепа есть и в монастырской копийной книге 1744 г.

⁶⁷ Там же, л. 6 об. (заголовок), 117—117 об. (сам текст).

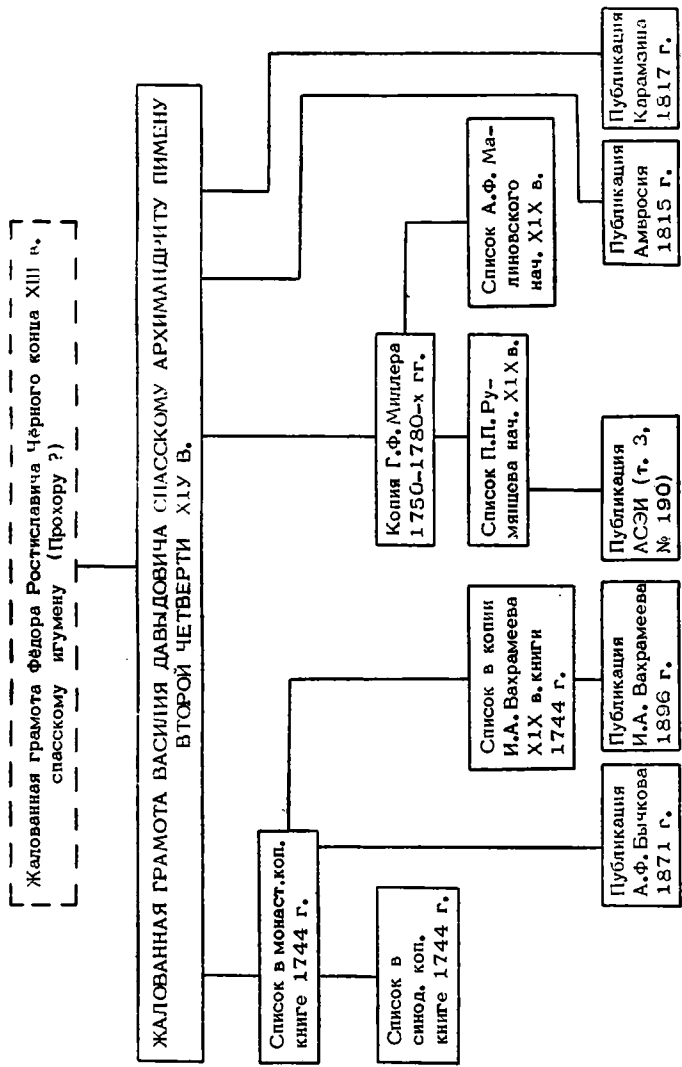
⁶⁸ Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО), ф. 1118 (Яросл. п Костр. епархии), оп. 1, кн. 2620.

⁶⁹ ЯМЗ, кн. 425, 437; ГАЯО, ф. 232 (Яросл. архипер. дом), оп. 1, кн. 2847.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 199 («Портфели Миллера»), портф. 127, д. 9, л. 1—1 об.; см.: *Клепиков С. А.* Филлигранны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства. М., 1959. С. 162 (знак фабрики Аф. Гончарова).

⁷¹ ОР ГВЛ, ф. 256 (Румянц. собр.), кн. 52, л. 1—1 об.; см.: *Клепиков С. А.* Филлигранны и штемпели. . . С. 193 (герб Баташовых).

⁷² ЦГАДА, ф. 197 («Портфели Малиновского»), портф. 1, д. 22, л. 1—1 об. (*Клепиков С. А.* Филлигранны и штемпели. . . С. 179). — О собирательской и научной деятельности Румянцева и Малиновского см.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. 167 с. — На с. 66 см. о пребывании Н. П. Румянцева в Ярославле в 1816 г.

Соотношение списков и публикаций древнейшей ярославской жалованной грамоты XIV в.

«Подлинная грамота находится в Спасо-Ярославском монастыре, а список с оной, заимствованный из рукописей историографа Г. Ф. Миллера, приобщен к грамотам великих князей, в Московском архиве хранящимся». ⁷³ В приписке этой, сделанной тем же почерком, что и остальной текст, вызывает сомнения лишь утверждение о наличии оригинала в Спасском монастыре (к тому же датировка — 1300—1326 гг. — в обоих заголовках ошибочна).

Не зная точного местонахождения подлинника в начале XIX в., все же можно предполагать, что он находился в руках Амвросия Орнатского и Н. М. Карамзина, которые независимо друг от друга опубликовали его: первый — в 1815 г., а второй — в 1817 г. (см. примеч. 4 и 5). После 1817 г. судьба подлинника никак не прослеживается. Возможно, что он, где бы ни находился, постепенно разрушался, ведь еще в описи 1735 г. отмечено его ветхое состояние. Ветхими названы в ней и многие другие спасо-ярославские подлинные грамоты, относящиеся к более позднему времени. ⁷⁴ Во второй трети XIX в. большинство подлинных грамот Спасского монастыря за конец XIV — начало XVI в. оказалось в коллекции П. А. Муханова, однако интересующего нас документа в ней нет. ⁷⁵

В 1867 г. А. Ф. Бычков делал доклад на заседании Археографической комиссии об осмотренных им в библиотеке Ярославского архиерейского дома рукописях. ⁷⁶ Отметив незначительную сохранность древнейших пергаменных материалов литературного содержания, А. Ф. Бычков сообщил о находке им копийной книги Спасского монастыря 1744 г. и привел оттуда текст грамоты Василия Давыдовича. ⁷⁷ Если бы ее оригинал находился в Ярославле, то, конечно, А. Ф. Бычков не прошел бы мимо него. Не располагал подлинником ярославской грамоты и И. А. Вахрамеев, опубликовавший целиком копийную книгу 1744 г. ⁷⁸

Обнаруживается полное сходство всех сохранившихся списков грамоты Василия Давыдовича и всех ее публикаций (из них к подлиннику восходят публикации Амвросия и Н. М. Карамзина, а к книге 1744 г. — публикации А. Ф. Быčkova и И. А. Вахрамеева; к Румянцевскому списку — издание: АСЭИ. Т. 3. № 190). Во всех списках только в начале настоятель монастыря назван архимандритом, а в дальнейшем тексте он последовательно 6 раз именуется

⁷³ ОР ГБЛ, ф. 256, кн. 52, л. 1 об.; опубл.: АСЭИ. Т. III. С. 408.

⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, кн. 2428, л. 151—174 об.

⁷⁵ См.: АСЭИ. Т. III. № 191—193, 198, 200, 201, 205, 206, 212—214, 217; см. также: Каталог историческим памятникам, собранным и изданным П. Мухановым. М., 1836. 34 с.; Каталог актов XIV—XVII вв., принесенных в дар Московскому публичному музею П. А. Мухановым. СПб., 1865. 26 с.

⁷⁶ Летопись занятий Археографической комиссии за 4 года. СПб., 1871. Вып. 5, ч. IV. С. 22—27; опубл.: АСЭИ. Т. III. С. 498.

⁷⁷ Летопись занятий. . . С. 28—29. — А. Ф. Бычков в своем выступлении предлагал затребовать книгу 1744 г. в Археографическую комиссию, но по неизвестным причинам она так и осталась в Ярославле.

⁷⁸ Вахрамеев И. А. Исторические акты. . .; см.: Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 6. С. 199, № 1087.

только игуменом. Эту особенность, как мы старались показать выше, имел и сам подлинник ярославской грамоты, написанный на пергамене и скрепленный черной восковой печатью. Довольно точно воспроизводятся во всех архивных списках и другие древнерусские термины и грамматические формы («докончал есмь», «урекл есмь», «ся. . . вступати», «емлет», «на руке» и т. д.). Важной общей чертой всех архивных списков ярославской грамоты XIV в. является указание на пергамен и черную восковую печать подлинника.

Суммируя в заключение наши терминологические, исторические и архивные наблюдения, можно, думается, с определенным основанием утверждать, что ярославская грамота 1320-х гг. наряду со ссылкой на более раннюю грамоту «деда» адекватно и достоверно передает и сам ее текст, относящийся по крайней мере к концу XIII в. Этот вывод повышает информационное значение документа XIV в., углубляет его историческое содержание.

Рассмотренная нами грамота является ярким свидетельством тесных связей ярославских князей с главным монастырем своего княжества. Федор Ростиславич поддерживал эти связи в сложных политических условиях первых десятилетий татаро-монгольского ига, Василий Давыдович — в стремлении сохранить независимость в начальный период «возвышения Москвы». ⁷⁹ Богатство и важность сюжетов этой грамоты (феодалное землевладение, положение крестьян, товарно-денежные отношения, судебно-административная и налоговая системы и т. д.) свидетельствуют о сохранении общности основных черт развития разных районов Руси и поступательном движении феодальной формации, несмотря на тяжелые условия ордынского ига.

Г. В. СЕМЕНЧЕНКО

УДОСТОВЕРИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ДУХОВНЫХ ГРАМОТ XIV—XV вв.

Систематическое изучение внешней и внутренней формы актов — единственный способ точной интерпретации их содержания, эффективный (и часто единственно возможный) способ воссоздания истории их становления. До сих пор многие разновидности русских актов XIV—XV вв. с дипломатической точки зрения недостаточно изучены, и это затрудняет их использование в исторических исследованиях. Пожалуй, сравнительно лучше изучены полные, кормленные и жалованные грамоты. Подробное дипломатическое исследование данных, купчих, меновных, разъезжих, рядных грамот еще впереди.

⁷⁹ Интересные новые наблюдения над причинами борьбы Ивана Калиты с ярославскими князьями см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории. . . С. 285, 301.